

— На водохранилище соваться нечего, его сдали в аренду, так что рыбачить там нельзя, — говорил один из мальчишек. — Мы пойдём к дальнему пруду. Туда стекаются ручьи, так что рыба точно есть.

— А я видел, как Дабяо с парнями отраву сыпали, столько рыбы повсплывало! И током её глушили. В болоте после этого угрей видимо-невидимо собирали.

— Я тоже хотел соорудить глушилку из аккумулятора, да отец так всыпал, что до сих пор задница горит. Сказал, один умник так дорыбачился, что сам себя до смерти током шарахнул.

Ли Сы не на шутку тревожился. Хоть деревенская детвора и умела плавать с пелёнок, вода шуток не любит — мало ли что может случиться. В итоге он отправил вместе с ребятами двоих телохранителей, строго-настрого наказав им не спускать с сорванцов глаз.

Досталось и Бэйшэну: Ли Сы оттащил парня в сторону и устроил ему целую головомойку, наказав не забывать о долге старшего — мол, хватит самому носиться сломя голову, приглядывай за племянниками.

— Чжэньчжэнь, егоза ты моя, — ласково увещевал Ли Сы внуку. — Может, ну её, эту рыбалку? Оставайся дома, а? Погляди, какое пекло на улице. Мальчишкам-то что, они народ выносливый, пускай себе загорают, а ты у нас неженка...

Дедушке до безумия было жаль подставлять под палящее солнце свою белоснежную любимицу. Однако Чжэньчжэнь и слушать ничего не желала. Стоило ей проведать, какая затевается забава, как она тут же загорелась и наотрез отказалась оставаться дома.

— Дедушка, ну пожалуйста, я тоже хочу! — упрашивала она, преданно заглядывая ему в глаза. — Обещаю не убегать далеко, буду крутиться прямо возле дяди Бэйшэна. И дяди-телохранители ведь пойдут со мной, так что мне совсем не страшно. А рыбу я ловить умею, папа меня учил, когда мы на загородную виллу ездили!

«Эх, егоза, разве ж то рыбалка! — мысленно вздыхал старик. — На той вилле рыбу специально разводят да подкармливают, она сама на крючок прыгает. С дикой речной рыбёшкой её и сравнивать смешно!»

Няня тщательно снарядила ребятню: обработала средством от мошкиры и комаров, натянула на каждого по панамке, и вскоре весёлая стайка во главе со старшими ребятами скрылась из виду.

Тем временем в столичном особняке Ли Гоудань и Ван Сюань наконец-то отложили все дела. С тех пор как в их жизни появились дети, выкроить минутку для уединения стало задачей почти

невыполнимой, а потому редким затишьем супруги дорожили больше всего на свете.

Им не требовалось многого: кувшин свежесваренного чая, пара тарелочек с лёгкими десертами да возможность просто прижаться друг к другу, забыв о течении времени. Бесконечные интриги и суровые законы делового мира утомляли душу, и этот тихий день, свободный от лишних мыслей и назойливых звонков, казался им чистейшим блаженством.

— Погляди-ка, какие снимки Бэйшэн прислал. Сразу видно, у мелких там всюду кипит весёлая жизнь, — улыбнулся Гоудань, протягивая мужу телефон.

На фотографиях столичные баловни судьбы выглядели изрядно загоревшими и перемазанными пылью да речным илом. Даже утончённую Чжэньчжэнь, которую дома оберегали как хрупкий цветок, облачили в простенький спортивный костюм.

Штанины у неё были подкачаны на разную высоту — одна задралась чуть ли не до колена, вторая уныло сползла к щиколотке. Белоснежные ножки девочки по самые лодыжки увязли в густой грязи; судя по пейзажу на заднем плане, ребятня устроила охоту на вьюнов в каком-то придорожном болотце.

— Слушай, а Чэншань, кажется, вытянулся? — Гоудань ткнул пальцем в экран. — Помнишь, раньше он макушкой едва дотягивался до мочки уха Чэнху? А теперь вон, почти вровень с ухом стоит.

— Похоже на то, — согласился Ван Сюань. — Хотя не забывай, что и Чэнху на месте не стоит, тоже растёт всюду.

Гоудань негромко рассмеялся:

— Судя по всему, развлекаются они там на славу.

От прежнего лоска столичных наследников не осталось и следа. На снимках они ничем не отличались от коренных деревенских ребятшек: такие же чумазы, с сияющими глазами и широкими улыбками во весь рот. Надо же, как быстро освоились на воле.

— А я ведь думал, что они и пары дней без капризов не выдержат, — признался Ван Сюань. — Чэншань, конечно, для проформы поревел в самом начале, но ведь живут же в деревне, и судя по всему, возвращаться не торопятся. Бэйшэн пишет, что Чжэньчжэнь уже всюду осваивает верхушки деревьев. Настоящий Маугли, прости господи.

А ведь гувернантки и воспитатели в элитном детском саду изо всех сил старались вырастить из малышки утончённую леди. Впрочем, самих отцов её манеры волновали меньше всего.

Оставшись без детей и получив долгожданную передышку, супруги решили поужинать вне

дома. После ресторана они долго бродили по вечерним улицам, а затем заглянули в самый популярный молодёжный бар, где выступала отличная рок-группа. Поддавшись бешеной энергетике живой музыки, они покачивались в такт ритму плечом к плечу с юными тусовщиками, наблюдая за хмельной и беззаботной толпой. Вся накопившаяся за долгие месяцы усталость и груз ответственности испарились без следа.

В тот вечер они позволили себе слегка захмелеть. Вернувшись в отельный люкс, мужчины отдались нахлынувшей страсти с пылом, какой редко встретишь у пар с таким солидным стажем. Это была безумная, чувственная ночь, вернувшая их отношениям былую остроту и новизну. Когда буря улеглась, утомлённый Ван Сюань уютно уткнулся носом в тёплую ключицу мужа.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Потрясающе, — выдохнул Гоудань, ласково поглаживая Ван Сюаня по спине. Кожа его уже не обладала юношеской нежностью, но в каждом изгибе этого сильного, ухоженного тела чувствовалась притягательная зрелость преуспевающего мужчины — глубокая, манящая сила, перед которой было невозможно устоять.

— Рад слышать, — отозвался Ван Сюань.

На душе у него потеплело от искреннего комплимента. Пускай Ван Сюань и не изнурял себя тренировками так фанатично, как его муж, запускать себя он не собирался. Он тщательно следил за питанием и кожей, используя омолаживающие средства собственного изготовления на основе редких трав. Перспектива превратиться в обрюзгшего, лоснящегося дядюшку и стоять блёклой тенью рядом с вечно подтянутым, статным Гоуданем пугала его до дрожи — это мгновенно растоптало бы его мужскую гордость.

Сам же Гоудань с годами, казалось, ничуть не изменился: его атлетическая фигура оставалась безупречной, а выносливости мог позавидовать любой юнец. Возраст лишь добавил ему благородной строгости, сделав его образ ещё более волевым, харизматичным и притягательным.

Зрелый, уверенный в себе мужчина, обладающий колоссальным влиянием, богатством и высоким положением в обществе — подобный коктейль действовал на окружающих как мощнейший магнит.

Неудивительно, что все эти годы вокруг Гоуданя увивалось немало любителей пожить на всём готовом. И если бы не их глубокая, проверенная временем преданность друг другу и абсолютное нежелание Гоуданя смотреть налево, семейное гнездо давно бы осаждали толпы коварных соблазнительниц обоего пола.

Ван Сюань прекрасно понимал: любовь — это труд двоих. А потому он и сам стремился соответствовать планке: развивал бизнес, читал, совершенствовался и держал себя в безупречной форме.

Конечно, когда-нибудь старость возьмёт своё, и они оба покроются благородными морщинами — против природы не попрёшь. Но сейчас-то они были полны сил! Позволить себе расплыться и превратиться в бесформенного, унылого обывателя казалось Ван Сюаню непростительной капитуляцией перед ленью.

Гоудань, несмотря на плотный график, ежедневно выкраивал время для тренировок. Его гибкости, силе и общему тону позавидовал бы любой двадцатилетний спортсмен.

— Ну а ты как себя чувствуешь? Тебе было хорошо? — Гоудань нежно коснулся щеки мужа.

В молодости они не слишком заботились о технике: кровь кипела, страсть затмевала разум, из-за чего близость порой выходила из-под контроля. Думая лишь о собственном удовольствии, Гоудань частенько оставлял на теле партнёра ссадины и синяки, ведь мужская любовь требует особой чуткости к тому, кто принимает.

Но за долгие годы совместной жизни они научились понимать друг друга без слов, в совершенстве овладев искусством дарить чистую радость без боли и спешки.

— Лучше не бывает, — счастливо прошептал Ван Сюань.

Гоудань улыбнулся, мягко прижимая его к себе.

Эти несколько дней, проведённых наедине друг с другом, стали для них глотком свежего воздуха. Они сполна насладились свободой, устроив себе настоящий второй медовый месяц.

А в это время в деревне трое их отпрысков, поначалу ежеминутно ждавших, когда же строгие отцы позовут их обратно в город, понемногу смирились со своей участью. Дни сменялись днями, а вестей из столицы всё не было. Волей-неволей пришлось привыкать к прелестям загородной жизни. Если в первые дни при виде коровьей лепёшки или собачьей кучки дети брезгливо кривились и зажимали носы, обходя их за версту, то теперь всё изменилось.

Теперь они с лёгкостью перемахивали через любые деревенские «мины», оставленные пасущимся скотом. Более того, они частенько помогали местным старикам, собиравшим навоз для удобрения огородов, наперебой выкрикивая, под каким кустом лежит очередная кучка.

Бэйшэн, наблюдая за этой метаморфозой, лишь молча качал головой. Правду говорят: дети приспособляются ко всему мгновенно. Пока он сам изнывал от скуки без привычного интернета, эти маленькие городские пижоны ухитрились найти себе кучу развлечений.

Улучив момент, когда солнце начало клониться к закату, Чжэньчжэнь резво припустила к развилке у большой дороги и уселась прямо на обочине. Домашние прекрасно знали, кого она дожидается, но на всякий случай няня всегда держалась поблизости, бдительно наблюдая за девочкой.

Вскоре с холмов донеслось раскатистое бление — Чжэньчжэнь прибежала встречать стадо. Из-за поворота показался Немой дядя, гнавший овец. Завидев на дороге нарядную маленькую гостью, он невольно притормозил. Няня, стоявшая чуть поодаль, не вмешивалась, но взгляда с подопечной не сводила.

Малышка робко потеряла край футболки и, когда пастух поравнялся с ней, застенчиво протянула ему яркий радужный леденец на палочке:

— Дяденька... А можно мне за эту конфету... ну, хоть разочек погладить маленького ягнёнка? Пожалуйста, всего один раз!

Немой дядя растерянно почесал затылок. Девочка выглядела такой чистенькой, точно фарфоровая куколка — куда ей соваться в пыльное, пахучее стадо? Но как объяснить это малютке? Он беззвучно приоткрыл рот, попытался что-то изобразить знаками, но вовремя осёкся: городская кроха всё равно не поймёт его бесхитростной жестикуляции, в которой без труда разбиралась разве что его собственная престарелая мать. От бессилия он лишь топтался на месте.

Чжэньчжэнь разочарованно захлопала длинными ресницами:

— Нельзя, да? — Она грустно опустила руку с леденцом. — Так я и знала, что ничего не выйдет.

Не дожидаясь ответа, вежливая крошка тихонько вздохнула: «Извините за беспокойство», — и послушно поплелась обратно к няне, которая тут же увела её домой.

Пастух ещё раз поскрёб макушку и погнал блеющую отару дальше по пыльной дороге.

Дома Чжэньчжэнь сидела сама не своя от огорчения. Заметив её кислую мину, Бэйшэн пообещал лично сводить её на пастбище. Глаза девочки мгновенно вспыхнули от восторга:

— Правда?! Тогда я обязательно сфотографируюсь с ягнёнком! Ой, а чем мне его угостить? Мы когда в зоопарк ходили, там всегда продавали корм для зверушек. Может, нарвать ему травки?

— Травы? — Бэйшэн едва сдержал улыбку.

— Знаешь, лучше не надо. Немой дядя целый день гоняет их по лугам, они там наедаются от пуза. Так что лишняя охалка им ни к чему, — торопливо добавил он, мысленно обругав себя за то, что вообще ляпнул про траву. Не хватало ещё, чтобы племянница вооружилась серпом и отправилась на сенокос.

Тем временем Чэнху и Чэншань времени зря не теряли — они окончательно влились в местную ватагу. Сейчас на поляне у них вовсю шло излюбленное деревенское развлечение —

командные бои стенка на стенку с шуточными борцовскими поединками. Чэнху, одарённый недюжинной силой, укладывал соперников на лопатки одного за другим, так что любой малец в деревне почитал за честь оказаться с ним в одной связке.

Городские братья раньше о подобных забавах и слыхом не слыхивали, но быстро вошли во вкус. Они уже мастерски щёлкали стеклянные шарики, наловчились ловить в траве кузнечиков и часами пропадали за боями сверчков.

В отличие от братьев, Чжэньчжэнь подружками так и не обзавелась. Поначалу местные девчонки так и норовили выпросить или попросту стащить её изящные заколки и яркие банты. Пытаться вернуть их силой или жаловаться родителям было бесполезно: деревенские кумушки тут же начинали ворчать, мол, богачи из семейства Ли трясутся над грошовыми побрякушками. Подумаешь, заколка! На рынке в уезде такие по паре мао за пучок продают, ну в крайнем случае юань — велика важность, если надо, вернём!

Они и понятия не имели, что скромные с виду украшения девочки создавались лучшими мастерами: основы были отлиты из золота или серебра высшей пробы и усыпаны россыпью крошечных бриллиантов и самоцветов. Малышка, хоть и не знала истинной цены своим вещам, искренне их любила и берегла.

Постоянные пропажи любимых безделушек ранили детское сердце. Разумные родители, конечно, приносили украшения обратно и извинялись за непутёвых чад, но большинство попросту отмахивалось. Заколки возвращали испачканными и сломанными, а то и вовсе «забывали» отдать.

Подобная беспардонность вывела из себя даже вечно добродушных Ли Сы и госпожу Яо. В конце концов они строго-настрого запретили внучке водиться с невоспитанными соседскими ребятишками.

Так Чжэньчжэнь осталась без компании. Ситуацию осложнял и её необычный цвет глаз — в деревне на неё глазели как на диковинку, шушукаясь прямо у неё за спиной, что ужасно раздражало гордую девочку.

Теперь няня стягивала её волосы самыми дешёвыми резинками, пряча драгоценности подальше. Малышка почти не выходила за ворота усадьбы: либо играла с дядей Бэйшэном и братьями, либо крутилась возле дедушки с бабушкой, либо увлечённо повторяла за телохранителями приёмы ушу. Одно только не давало ей покоя — уж очень хотелось погладить того мягкого пушистого ягнёнка.

Чжэньчжэнь лишь слегка загорела, чего нельзя было сказать о её братьях. Если из Столицы они приехали изнеженными белянками, то теперь Чэнху напоминал заправского уголька. Мальчишка повадился возвращаться домой босиком, небрежно помахивая зажатými в кулаке кроссовками — набегавшись босым по лужам и грязи, он ленился отмывать ноги перед тем, как обуться, и топал прямо так.

Одежду на сорванцах приходилось менять чуть ли не трижды в день: штаны трещали по швам, а пятна от едкого сока диких ягод не брал ни один порошок, так что испорченные вещи вёдрами отправлялись на выброс. По вечерам, когда братья залезали в ванну, вода мгновенно окрашивалась в мутно-серый цвет от толстого слоя налипшей грязи.

— Брат, а завтра мы снова пойдём воевать? Давай опять побьём команду Сяотяня! — задорно кричал Чэншань.

— А то! Ежели будешь во всём меня слушаться, я тебя завсегда с собой брать буду! — важно отозвался Чэнху с таким густым местным говором, что Бэйшэн, проходивший мимо, чуть не поскользнулся на ровном месте.

Идеальный столичный выговор путунхуа улетучился из головы мальчишки без следа. Теперь он трещал без умолку, подражая местным заводилам. И как только ухитрился за такой короткий срок нахвататься сочных диалектных словечек? Детская память удивительна: новое впитывает как губка, а старое стирает без малейшего сожаления.

«Ну всё, — с усмешкой подумал Бэйшэн. — С такими темпами они скоро не только чистый путунхуа забудут, но и английский, который им лондонские репетиторы в головы вколачивали, напрочь из памяти выветрится».

<http://bllate.org/book/19654/1996903>